

АЛЁНА ШУБИНА

История одного пути

С ЛЮБОВЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ
К ЖИЗНИ

Алёна Шубина

**История одного пути. С любовью
и благодарностью к жизни**

«Издательские решения»

Шубина А.

История одного пути. С любовью и благодарностью к жизни /
А. Шубина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857223-4

СТРАНИЦЫ ПРОШЕДШЕГО Безумные обстоятельства и сложные чувства незаметно растворяются... становятся смешными, непутевыми и где-то очаровательными. **ТЕКСТЫ** Различные аспекты современной жизни в оригинально изложенных социальных зарисовках.

ISBN 978-5-44-857223-4

© Шубина А.
© Издательские решения

Содержание

Страницы прошедшего	6
Мама	6
Морыда. Южная Корея	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

История одного пути С любовью и благодарностью к жизни

Алёна Шубина

© Алёна Шубина, 2019

ISBN 978-5-4485-7223-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страницы прошедшего

Мама

«Ты бы согласилась ежедневно принимать то количество лекарств, которое ты даешь ребенку?»

Возможно, всё началось именно с этой отрезвляющей фразы, озвученной моей матери ее младшей сестрой. Созревшее же потом решение, отказаться от приема лекарственных препаратов и от обращений к врачам официальной медицины, явилось отправной точкой всей последующей истории.

На дворе стояла поздняя осень 1991-го: мне было чуть более восьми, моей сестре – около пяти лет. Примерно тогда в нашей семье взяла свое начало еженедельная традиция проводить очистительную процедуру с помощью «клизмы» или кружки Эйсмарха, после которой следовал один день голодания, завершавшийся такой же очистительной процедурой, – наслаждаться приемом пищи можно было только потом.

Спустя пару лет «клизма» была дополнена «прочищением желудка» – мероприятием, наводившим на меня первое время настоящий ужас. Состояло оно в следующем: в литровую кружку воды добавлялось определенное количество уксуса или марганцовки, все это размешивалось; далее полученный коктейль надлежало выпить, чтобы спровоцировать рвоту; засунуть в рот два пальца, и с помощью воздействия на малый язычок «освободить желудок» путем понятного процесса.

Если сначала я еще пыталась честно, но без особого энтузиазма выполнять все эти процедуры (вообще все происходившее со мной в детстве я воспринимала или с «овощной» покорностью или, ненадолго взбунтовавшись, – с неубедительным инфантилизмом), то потом сочла необходимым разными, совершенно маразматическими на посторонний взгляд, средствами упрощать до минимума их выполнение.

Примерно в тот же период, мама как раз уволилась с работы, чтобы посвятить себя целиком нашему воспитанию, и мы втроем начали «изучать» Подмоскovie: выбирали какой-нибудь город и ехали в него для ознакомления на местности. Все бы ничего, но тогда же возникла традиция «ходить босиком», будь то город, транспорт или лес. На нас показывали пальцами, странно смотрели, что заставляло меня чувствовать себя «не в своей тарелке», как минимум, не говоря уже о весьма сомнительной пользе подобных хождений, о которой я, правда, даже не задумывалась.

Но неприятные моменты на этом не заканчивались: отсутствие денег вынуждало нас не оплачивать проезд как в электричке, так и в метро. И тут взяла свое начало еще одна традиция, ежедневно (если пройти за турникеты другим способом не получалось) «выклянчивать бесплатный проход у контролера», обострявшая мое чувство пребывания меня «не в своей тарелке». Пока мама, часто на повышенных тонах, или просто вследствие ее громкого голоса, объясняла контролеру любого вида транспорта и так «очевидные» факты, представлявшие в наше распоряжение право пользоваться бесплатным проходом за пределы пропускных пунктов, я, стоя рядом, ощущала на себе любопытные взгляды проходивших мимо пассажиров, что совсем не казалось мне приятным.

В тот же период у мамы появилось «чувство», что за нами «ходят», а в нашей квартире «бывают», впоследствии ставшее уверенностью. Должна заметить, что подкрепляя его своими глупыми выдумками (за которые в назидание я сполна расплатилась в дальнейшем, но которые на тот момент неосознанно воспринимались мной как захватывающая игра, где мои «важные сведения», подтверждавшие подобное положение вещей, были нужны и заодно давали

мне ощущение собственной значимости), я поощряла развитие этого «чувства», не соображая к каким последствиям может привести мое добровольное потакание маминым фантазиям.

Вообще придумывание всякой ахинеи явно меня занимало. Наслушавшись маминых рассказов о ее непростой жизни в квартире свекрови и свекра (более трех первых лет моей жизни прошли в тот же период в той же квартире), я стала сочинять такую, реально омерзительную, галиматень о бабушке с дедушкой, что просто удивительно, как мама во все это верила, вместо того, чтобы устроить мне душеспасительную взбучку, дабы у меня отпала охота на людей наговаривать.

Сейчас, по прошествии стольких лет, вспоминая события тех «смутных времен», мне кажется, что моя личность начала выходить из многослойного застоя атрофированного подчинения и делать первые попытки самостоятельного развития (или определения) лишь после достижения мной двадцати... (или даже тридцати...) летнего возраста.

Но это я слишком забегаю вперед. В тот же период (1990—1992 гг.) мама стала увлекаться нетрадиционной медициной, йогой, астрологией – благо за подобные увлечения уже не грозило «загреметь» в сумасшедший дом. Мне и тут захотелось «отличиться», путем «самонаблюдения» у меня экстрасенсорных способностей: умения видеть ауру или телепортироваться из комнаты в комнату. Некоторое время спустя, когда мама рассказывала о моих «опытах» (в моем присутствии) своей знакомой, увлекающейся и практикующей те же вещи, знакомая не стала «прилюдно» изобличать меня в обмане, хотя и догадалась, что все мои «способности» не более чем химера.

Вообще моя склонность придумывать всякие глупости ускорила обрушение на мою голову целой лавины проблем. В одну из наших поездок в Загорск (Сергиев-Посад) у меня возникла «гениальная» идея порадовать маму, вернув ей растроченные в то далекое «сегодня» деньги. То есть попросту, когда мы с сестрой были оставлены одни около магазина для ее ожидания на достаточно длительный период времени, я подошла к двум оказавшимся рядом мужчинам и очень правдоподобно насочиняла им жалостливую сказку, подробности которой сейчас не помню, но смысл ее сводился к денежному вспомоществованию. Эффект превзошел мои ожидания. Нам не только дали денег, но решив, что нам негде жить, стали активно предлагать помощь. Это не входило в мои планы, так как мама могла появиться в любой момент и, выяснив обстоятельства дела, устроить мне хорошую трепку, поэтому надо было срочно изыскать способ, чтобы освободиться от вспомоществовавших. Не помню каким образом мы это сделали, но все обошлось без разоблачений.

Произошедший инцидент положил начало еще одной многолетней традиции «попрошайничать»: на рынках Москвы и Подмосковья – фрукты, овощи, сало (мама гордилась, что она вполовину украинка), колбасу, вообще все, что приглянется, у прохожих – деньги. И вот тут мой энтузиазм рассказывать жалостливые сказки резко закончился, оставшись в городе Загорске. Просить мне было от «очень стыдно» до «как-то некомфортно» и я старалась незаметно стянуть, чтобы не отставать от матери или сестры, которая была намного непосредственней меня и не заморачивалась по этому вопросу. Однако, обнаружив мою склонность к «стягиванию», мама весьма доходчиво объяснила мне, что воровать нехорошо, а еще хуже подначивать сестру просить вместо себя. В общем, пришлось мне заниматься самопреодолением, периодически находя лазейки для увиливания от этого занятия.

Тем временем мамины фантазии, очень быстро перестав нуждаться в моих поддакивающе-подтверждающих их выдумках, стали усиливаться. Она написала не одно заявление в милицию с просьбой установить наблюдение за нашей квартирой, таскала меня к участковому в качестве «свидетеля» (сестра тоже присутствовала при этих визитах). Жалко, что участковый не «вывел меня на чистую воду», а только, наблюдая мою неуверенность, свидетельствовавшую о явно не чистой совести, умеренно потешался над нашим семейством. Теперь к неизвестной, «следящей за нами и посещающей нашу квартиру» «компании», добавилась

известная и тоже «следящая за нами» «милиция». Мама пристрастилась постоянно «укреплять» входную дверь, окна, думала установить самодельную сигнализацию.

Наши еженедельные «очистительные» процедуры и хождение босиком дополнили новые добавления: массаж (о котором я расскажу позднее) и «прокачка», когда мы втроем становились перед зеркалом и начинали специальными движениями рук «гонять энергию» по телу. Утомительное занятие, совершенно не вызывавшее у меня бурного восторга. Кроме того, наша оздоровительная практика обогатилась трехдневными голоданиями, к которым я готовилась путем запасаания в разных местах квартиры съестных припасов.

Пятничные вечера или выходные мы стали проводить в «знакомствах» шапошного характера с арендаторами длинного ряда палаток на Новом или Старом Арбате, происходивших по схеме: сначала постучать, а потом попросить что-нибудь подарить или чем-нибудь угостить. Иногда арендаторы или прохожие одаривали нас пугающе агрессивной реакцией.

Прошло полтора года. Мои занятия в музыкальной школе натолкнули маму на новую мысль. В пасмурный майский день 1993-го мы отправились на Старый Арбат в новом качестве. Театр им. Вахтангова, раскладной стульчик, сидя на котором я что-то там играю на виолончели, портфель для денег, напротив магазин «Самоцветы» и мои первые 33 рубля. Подобные поездки на Арбат, к Большому театру, в галерею ЦУМа и даже на короткий период в ГУМ стали ежедневными, несмотря на погоду и время года. Первые несколько лет мы также ездили играть на аллеях перед «Вернисажем» на м. Измайловский парк (Партизанская). Игра мне давалась в разы легче, чем денежное попрошайничество, с которым в моем случае было покончено. Но новые неприятности уже маячили рядом.

Посещение концертных и «оздоровительных» мероприятий секты Аумсинрикё, которой московские власти предоставили совершенно шикарные условия для успешного осуществления ее деятельности, а также частное посещение штаб-квартиры той же секты в Москве, где мама чуть было не устроила скандал =>

Вообще скандал следовал за нами повсюду, где бы мы ни появлялись. Он имел не только внешне-социальную форму нашего существования, но и внутрисемейную. Зареванно-опухшая физиономия с глуповато-трусливым выражением, которое я столь часто видела, смотря на себя в зеркало, являлась результатом абсолютно любых моих взаимоотношений с мамой. В совместных занятиях, например, у меня сразу же прогрессировал испуг, сковывающая тупость и неуклюжесть, вызывавшие с ее стороны раздражение, повышенный тон и запрещения, а с моей – нескончаемые «сопли».

=> помогли маме сделать «открытие» поистине глобального масштаба. Она сумела «распознать» организованную япошками антигосударственную деятельность, к которой они подключали и русскоговорящее население, подвергая его предварительной обработке невменяемым состоянием.

Суть заключалась в следующем: каждый, кто носит черную сумку, портфель, кейс, визитку, рюкзак или «вызывает» у мамы своим нахождением рядом сонливость или различные неприятные ощущения был обозначен как «газовщик» и признан носящим распыляющий баллончик с Зарином или электромагнитный излучатель. В автомобилях и гаражах тоже обнаружилась дополнительная функциональность – скрытая радиоактивная установка, поэтому ходить рядом с ними в мамином присутствии грозило неприятностями.

Заявлением в милицию тут было не отделаться, и мы стали обивать пороги Московской мэрии. Не добившись очевидного результата, мама «осознала» результат неочевидный: радио, телевидение, рекламные стенды, печатные издания – все это превратилось в площадку для иносказательного «общения», ключ к пониманию которого она неизменно подбирала. Мы тоже должны были участвовать на добровольно-принудительной основе – как мы участвовали во всех ее начинаниях, потому что сопротивляться маминому высококлассному умению «выносить мозг» было нереально (не только нам, но вполне себе взрослым самостоятельным

людям, которые просто сбегали), даже длительный бунт неизменно подавлялся – в расшифровке этого маразма, что иногда было и в наших интересах. Между тем, уровень сделанного открытия вывел нас на межгосударственные просторы, что требовало постоянного внимания к поступающей «информации». Высшие чиновники государства маму «знали» и тонко «общались» с ней и между собой посредством прессы, телепрограмм, фильмов и видеоклипов. Сотрудники ФСБ, МВД и других государственных служб регулярно «бывали» в нашей квартире, где «находили» специально оставленные мамой записи, служившие им для доклада президенту или министрам. Помимо этого, мама ежедневно толкала длинные, обличительного свойства, речи, подробно обрисовывавшие происходящее. Мы с сестрой хоть и имели роль слушателей, однако «слушателями» основными выступали «прослушивающие нашу квартиру спецслужбы».

В нашем гардеробе появились соответствующие обстановке «защитные» усовершенствования: в жилетки были вшиты металлические пластинки, а в руках мы стали носить металлические листы, замаскированные под рекламные папки. К лету 1996-го размах модной индустрии достиг апогея. Небольшие металлические пластинки превратились в большие и тяжелые железные листы, а обычные жилетки уступили место жилеткам необычным, совершенно не скрывавшим импровизированный «бронежилет», закрывавший со всех сторон тело и иногда весьма слышно поскрипывавший.

Наши «защитные» головные уборы поражали экстравагантностью внешнего вида и не снимались даже летом. Наше появление в транспорте или на улице производило настоящий фурор, учитывая, что «полезную привычку» ходить босиком мы к тому времени бережно сохранили. Наше поведение, точнее мамино поведение являло собой настоящее шоу, которое было бы очень «смешным», если «смешным» заменить на «трагичным».

Моя «концертная деятельность» продолжалась. С некоторых пор такую же «концертную деятельность» вела и моя сестра, тоже отданная на обучение в музыкальную школу. Кто-то из прохожих, увидев меня летом в железной каске, обтянутой с двух сторон шерстяным беретом, играющей босиком в ненавистном, неудобном, уродливом «бронежилете», остановился и сказал: «Девушка, несмотря на то, что вы неплохо играете, вам никто ничего не даст, так как будут думать, что вы сумасшедшая».

Поездки по Москве стали очень долгими и утомительными, надо было неустанно проявлять «бдительность», то есть попросту метаться с безумными глазами ото всех и вся, выходить, ждать следующего транспорта или тащиться пешком.

Мама прекрасно понимала, что мы выглядим сумасшедшими, выражая в надрывном эмоциональном всплеске всю отчаянность того положения, до которого ее и нас заодно «довели». Но если вдруг слышала от нас слова о ее реальном сумасшествии, то, моментально меняя слезы на «горящий взгляд» наступательной позиции, говорила, что нас попросту «обфуняли» или что мы настолько «простенькие», что элементарно не способны разбираться в «грязных» тонкостях государственной политики, где маму специально выставляют повредившейся в уме.

Облик нашей квартиры, в которой уже много лет царили тараканы, обилие вещевого хлама и пыль стал еще более отталкивающим. Мое спальное место к моменту моего поступления в училище в 1998-м переехало под длинный раскладной стол, мамино – под кровать. В качестве дна был положен огромный ржавый железный лист, найденный на улице. Поверх стола был положен другой ржавый железный лист. Спать нужно было непременно на железных пластинах, призванных вытягивать накопившееся в теле электромагнитное излучение, на руки и ноги одевать сделанные из консервных банок «браслеты», подушкой стали служить железные мини-тазики. Через пару лет к обязательным приготовлениям на ночь добавилось заставление «кровати» со всех сторон различными предметами из металла.

Вообще металлического и, в частности, железного хлама в нашей квартире заметно прибавлялось, несмотря на наши с сестрой усилия оттащить в недоступное место случайно увиденные мамой где бы то ни было железные листы или другие предметы.

Теперь можно рассказать о массаже. Если в начале 90-х все начиналось с обычного массажа спины, который в оздоровительных целях мама делала, правда, временами довольно болезненно (я тоже делала ей массаж), то к концу девяностых к этому действию добавились новые практики, вызвавшие с моей стороны дополнительный прилив ненависти и омерзения.

Вообще слово «мама» с определенных пор стало неосознанно ассоциироваться у меня с сигналом «сейчас начнутся проблемы», которые предсказуемо начинались.

К массажу добавилось «лечение» руками и телом, продолжительность которого варьировалась от получаса до пары часов. Чтобы сократить лежание под мамой и не раздражаться, слыша над собой постоянный звук сплевывания, надо было заставить себя поиграть в идиотку – «продергаться», имитируя прочистку энергетических каналов, но так, чтобы это выглядело естественно. В эти моменты я ее ненавидела. Или в моменты, когда такое «лечение» ей приходило в голову практиковать тесно прижавшись со мной в одной ванной, вода в которой немногим уступала кипятку. Или во время сеансов «дай коже дышать»: мы специально раздевались и ходили по квартире голые, а также еженедельно устраиваемых мне головомоек «Почему я ее не люблю?», обычно приводивших меня в состояние визжащей истерики, когда я не своим голосом начинала орать разные оскорбления в ее адрес. Заканчивалось, правда, все стандартно: долгим «вымаливанием» прощения, без которого от меня никогда не отставали, как бы долго не приходилось его ждать, и терпеливым иницированием и отбыванием объятий и поцелуев, давно вызывавших во мне отвращение. Еще большее отвращение вызывали во мне посещения мамы на сон грядущий и посещения ночные, где она практиковала «лечение» накладыванием рук, часто лежа на мне, иногда засыпая так, иногда устраивая каскад «продергиваний». Было очень мерзко, но я притворялась, что сплю, иначе «лечебный» визит обещал затянуться надолго. Поэтому, когда меня мучил кашель, а простужалась я без конца, сколько могу себя помнить, страдая, в том числе, и от простудных осложнений, я запихивала себе в рот одеяло, только чтобы не услышать из соседней комнаты голос: «Хватит кашлять. Разотри себя», следующим после которого мог быть мамин приход.

Мое поступление в училище прибавило мне новых хлопот. Мама очень беспокоилась (весьма избирательно, если разобраться) о соблюдении мной режима. Особенно режима питания. Поэтому, в обязательном порядке, я должна была брать с собой еду, как до этого брала ее в школу, но здесь в ход пошли уже кастрюльки. Так как мне совсем не улыбалось тащить с собой в Подмоскovie, где находилось училище, пакет с кастрюлками, пакет с бронежилетом, пакет с ногами и виолончель, то я договорилась с отцом, что буду оставлять бронежилет и кастрюльки у него в квартире. К тому же мне очень хотелось сократить время моего пребывания дома, и я составила для мамы подкорректированный вариант расписания занятий, позволявший мне приезжать домой около десяти часов вечера, выработав совершенно измотавший меня к концу первого курса распорядок: в 5 или 6 утра подъем, сборы, в том числе приготовление еды (и только бы мама не вставала), в 7:30 динь-дон к отцу, а потом – в училище.

Моя «концертная деятельность» на улице резко сократилась, но не закончилась. Я ездила играть сама, потихоньку от мамы, и, давая ей деньги, говорила, что это в училище сделали дополнительную выплату. Подобная задумка призвана была избавить меня от маминой компании в процессе «работы» (как мы это называли), но потерпела фиаско. Маме не понравилось, что я отлыниваю от «трудовой деятельности» в ее присутствии. И со словами «эти деньги дало тебе государство, а сейчас мы поедem, и ты заработаешь их сама» мы ехали и «зарабатывали», а моя нервная система снова проходила проверку на прочность.

В самый последний день весны 1999-го я обнаружила у себя «слоновые» отеки голеней и стоп, бросавшиеся в глаза очень конкретно. Мама их, конечно, тоже заметила, совсем

не похвалив меня за «невнимательность» по отношению к «обфунывшему» меня нечто. Спустя несколько дней, уединившись в лесу (прогулки куда мне и до этого не особенно нравились, так как всегда сулили различные «оздоровительные» процедуры), мама провела со мной поистине забойный «лечебный» сеанс, попросту колотя мне до одури ноги. Орала я от адовой боли как резаная. Спустя несколько часов, когда мы наконец-то пошли домой, она стала доверительно рассказывать мне о различных усовершенствованиях в «лечении», которые она думает попробовать для излечения меня от отеков и, конечно, о регулярном повторении только что проведенного «лечебного» сеанса на летних каникулах. Меня обуял ужас, и при первой же возможности я обратилась за помощью в поликлинику. После разных анализов мне выписали направление в больницу. Я попросила отца сказать маме, что ложусь в больницу, но не говорить адрес. И только после недельного пребывания в больнице мама с сестрой приехали для посещения. Пробыв в больнице чуть более трех недель и отдохнув, несмотря на ежедневные посещения, я подумала перебраться жить к отцу. Озвученное предложение повлекло за собой длинный ночной разговор с участием меня, мамы, сестры и отца. В результате под утро, сестра, мама и я вернулись домой, и все потекло по-старому, за исключением веры в мой вариант расписания занятий. В начале следующего учебного года мама лично приехала в училище, переписала расписание и четко его отслеживала, регулярно устраивая внезапные приходы к отцу с целью застать меня там или найти оставленный «бронезилет».

В квартире мама соорудила карнизы, накрытые металлическими пластинами или железными листами; делать что-либо, можно было только находясь под их «защитой», так как с потолка «палило» электромагнитное «облучение». При передвижении вне карнизов стали использоваться «таблетки» – крышки от кастрюль или сковородок, которые одевались на голову на манер вьетнамских шляп, с веревочкой под подбородком. Заниматься дома чем бы то ни было стало очень неудобно и проблемно по причине все уменьшавшегося пространства. Даже чтение книг требовало умения молниеносно их прятать при мамином появлении, потому что названия некоторых связывались у нее с «происходившей историей» и дальнейшее чтение таких произведений стоило себе дороже. Кроме того, маме понравилось передвигать мебель, в том числе и с нашей помощью, что еще больше загромождало пространство и усложнило проход.

Но самый страшный период наступил для меня после окончания училища, когда, не сумев ни поступить в высшее учебное заведение, ни устроиться на работу, я должна была сидеть дома с ней вдвоем и также вдвоем посещать в назначенные дни биржу труда.

Мама и раньше постоянно укрепляла квартиру, изобретая различные «примочки», набиваемые на двери, шкафы и окна (ритуал закрывания и открывания входной двери тоже заметно усложнился), но теперь, так как несмотря на все ее «старания» к нам все равно «проходили», она заподозрила нас с сестрой в «помощи» «проходившим». Резон был в следующем: нам не хватало нежности, поэтому мы впускали ночью этих некто (обозначенных мамой словом «хахали»), дабы они нам эту самую «нежность» дарили и заодно «фуняли» нас и маму. Хохотать в голос над этой сногшибательной «догадкой» я могу сейчас, тогда мне было совсем не до смеха. Мама не стеснялась в выражениях, описывая, как мы удовлетворяем наш «недостаток нежности», а я не знала, как избавить себя от ее зудящего душу голоса и противного пристального взгляда.

В декабре 2002-го мама взялась за пол, подключив к этому занятию меня и сестру. Нужно было выламывать паркетные пластинки и отдирать доски, на которые эти пластинки были приклеены, а из образовавшихся проемов выгребать цементную пыль и строительный шлак, после чего мама занималась там «физикой» – сложной для описания непосвященному системой. В это же время мы начали скупать в магазине гвозди. Завидев нас, продавцы смеялись: «Вы их что – едите?» Гвозди клеились скотчем на стены или легонько (не по шляпку) прибивались на мебель и на всякий разный хлам, в избытке «украшавший» квартиру, стройные ряды гвоз-

дей связывала проволока. Все эти конструкции относились к «физике» и, когда «работали», вызывали «колокольчики», означавшие, что можно вздохнуть спокойно – мама на сегодня закончила. Окна тоже оказались задействованными в «физических испытаниях» (помимо того, что были обвешаны замками и разными «примочками»), между стекол мама вставила железные пластины, благодаря которым в комнатах воцарился полумрак.

В этот же период началось форменное вредительство электропроводки, как в нашей квартире, так и в электрощитках по всему дому (мама и меня брала с собой, чтобы я «набиралась опыта»), что неоднократно приводило к полному вырубанию света, иногда достаточно длительному (более месяца), так что мы даже ездили кипятить воду в магазин, пока нас оттуда не выперли. Ситуация познакомила нас с электриками «аварийки», приезжавшими на наш этаж подозрительно часто: едва наладив поступление электричества к нам и соседям, надо было приезжать снова, потому что поступление электричества уже успело разладиться. Вредительские действия не остались тайной для соседей, естественно настроив их против нас. Не остались они тайной и для ДЕЗа, управы, участкового. К нам стали приходить в гости различные комбинированные комиссии.

Между тем, на бирже труда мне предложили пройти курсы профпереподготовки. Мама одобрила их прохождение, и я с легким сердцем начала осваивать компьютер, машинопись и основы делопроизводства. Однако, надо было срочно что-то решать с «бронежилетом» или «доспехами» (как мы их называли). Понятное дело, что подобный «дресс-код» едва ли уместен в жизни офисного планктона, а таскаться с пакетами явно не выход. И вот как-то в субботу, в очередной раз дойдя до «каления» я сказала маме, что напишу заявление в психиатрическую больницу. Сдавать маму туда у меня желания не было, но показать ей психиатра, в качестве «звоночка», к которому стоит прислушаться, дабы она оставила меня в покое с ношением «доспехов», я считала справедливым. Психиатр пообщался со мной, побывал у нас дома, где пообщался с мамой, озвучив мне через какое-то время примерно следующее заключение: «вылечить – не вылечим, но если вы хотите поместить ее в больницу – пишите согласие». Брать на себя такую ответственность в мои планы не входило, благо теперь я приобрела право забыть о ношении «бронежилета».

Еще через год, когда пол был превращен в нечто малообразимое, утратив почти полностью свою функциональность, мама взялась за стены. Пока я была на работе, а сестра в школе, в квартире полным ходом шел процесс обрушения. Завеса цементной пыли стала явлением «привычным». Двери во все комнаты при «вечернем обходе» мама запирала снаружи сама, поэтому утром, чтобы выйти из комнаты, надо было достаточно долго стучать, чтобы мама проснулась и начала «обход утренний». Входная дверь, как и другие, полностью не открывалась, оставляя для прохода лишь узенькую щелку, грозившую тут же исчезнуть. Забитые гвоздями окна впускали свежий воздух только через щели оконных рам.

Самая пора была подумать о декоре, и в апреле 2004-го мама определила меня на поклейку обоев: «Ты справишься». Да здравствуют чудеса эквилибристики! В общем, колхозно-кустарно я с поставленной задачей справилась. Не обошлось, конечно, без маминых ЦУ, которые она выдавала мне всегда и по любому вопросу, и без «прожигания воздуха» (запах паленой бумаги вызывал такие же приступы бешенства у соседей, как и ежедневный почти стук молотка) – еще одной многолетней традиции, о которой я забыла упомянуть,

Так мы прожили до конца января 2005-го, в один из субботних вечеров которого, что-то заставило меня зафиксировать на часах время и улыбающиеся выражения лиц, которые были очень нечасты. Что-то было необычное в этом уставшем и грустном мгновении. В самом начале февраля у мамы отекали ноги, потом постепенно стало опухать тело. Мысль вызвать врача появилась только через полтора месяца, потом еще раз – в апреле. Никто из пришедших медицинских работников не встряхнул нас «криком», что надо срочно класть человека в боль-

ницу или, например, вызвать скорую, до чего мы додумались, когда она уже была не нужна. Инсульт, отек легких.

Морыда́. Южная Корея

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.